

**Петр Немировский**

## **ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВЫСТАВКУ**

### **Глава 1**

Глен Чернов сидит в баре аэропорта Кеннеди, пьет дорогой и исключительно мерзкий на вкус кофе.

Нью-Йорк, душный июньский день, впрочем, здесь, в здании, спасительная прохлада от кондиционеров.

Усилием воли Чернов подавляет в себе желание то и дело смотреть на часы. Себе ли самому или кому-то незримому другому задает вопрос: «Правильно ли я сделал, согласившись ее принять? Зачем мне нужна эта головная боль?» Вздыхает, делает глоток отвратительного кофе, отчего на душе становится еще гаже. «Двадцатилетняя дочка Киры будет жить в моей квартире. И кто знает, какая она. Может, беспутная и бестолковая, еще и неряха. Нет, все-таки я должен был Кире деликатно отказать. Но, увы, уже поздно!»

Кира – аж в Москве, и не виделись они с ней ровно двадцать три года.

Звучат объявления о задержке или прибытии очередного самолета. Все вокруг томимы ожиданием. Наконец, услышав сообщение, Глен идет к заградительным перилам, где встречают пассажиров рейса Москва – Нью-Йорк.

Коридор для прибывших пассажиров пустует недолго. Вскоре по нему проплывает стайка стюардесс – белозубые улыбки, мелькающие икры стройных ног.

Перед глазами Глена вдруг возникает рой картин и образов; сквозь гам аэропорта, крики и болтовню он явственно слышит голос Киры, ее волнующий шепот, ее ночное дыхание на его плече.

...Москва, Шереметьево, 1994 год. Глен сидел на своем чемодане, ждал, когда начнут регистрировать билеты. Шла первая война с Чечней, боялись терактов – усиленные наряды вооруженных солдат патрулировали аэропорт. Солдаты требовали предъявить документы у кавказцев и всех подозрительных личностей.

А за высокими стеклянными дверями аэропорта мела пурга, снегом заносило шоссе, луна – и та была не видна в небе воюющей страны. Глен тогда почему-то посчитал это удачей – улетать в такую жуткую зиму, в снегопады и бураны – словно снегом должно было замести, засыпать его следы.

И вдруг... Как ведьма, Кира влетела в аэропорт, раскрасневшаяся с мороза, в короткой шубке, в тупоносых сапогах и сбившейся набок шапочке. В руках держала огромный кулек:

– Я слышала, что в Нью-Йорке нет натуральных веников, там ведь всё искусственное. Так вот, зная твою любовь к чистоте...

Кира вытащила из кулька веник, роскошный, надо сказать, добротный веник с ровненькими, упругими прутиками:

– Если прижмет нужда, сможешь его использовать как кисточку, – пошутила она. Щеки ее пылали то ли от мороза, то ли от обиды. – Что же ты? Или думаешь, прилетела Баба-яга в аэропорт слезы лить? Ошибаешься. Просто хочу пожелать тебе удачи. Я в тебя верю. Станешь великим художником. Мама тебе тоже желает...

Он захотел ее обнять, прижать к себе. Протянул было руку, но Кира отклонилась и сделала решительный шаг назад, словно черта уже проведена и переступать ее нельзя. Она едва ли не всучила ему в руки тот дурацкий веник, шмыгнула по-детски носом и убежала к дверям выхода, за которыми мела метель и наглые таксисты заламывали фантастические цены за поездку в ночную столицу.

Глен так никогда и не разгадал, что за намек был зашифрован в том ее странном прощальном подарке. Чудилось ему в этом венике что-то для него оскорбительное, какая-то презрительная насмешка – мол, выметайся отсюда, горе-мазила...

Почему он тогда не остался с Кирой? Почему не бросился вслед за нею? Вместо этого прямо там, в аэропорту, приколот к мольберту лист бумаги и с остервенением стал наносить карандашом жирные штрихи...

Вот ее лицо: классический итальянский овал, маленький носик, чуть припухлые, но красиво очерченные губы и большие темные глаза, в которых всегда выказывалась едва ли не детская доверчивость. И в то же время, глаза – две змеиные норы. Очи черные, черт бы вас побрал!..

Внезапно Кирины глаза возникли перед ним. Ее взгляд буквально обжег Глена, всё как-то помутилось, покачнулось, он даже покрепче сжал перила.

– Здравсьте. А я вас сразу узнала. Вы Глеб, да? Чернов? Ваши американские таможенники такие дотошные, еще хуже наших. Ну что, идемте?

## Глава 2

Двадцать три года назад Глеб Чернов приехал в Америку по приглашению родственников его матери, осевших в Коннектикуте. Уговор был таков: все необходимые по вызову документы родственники оформляют, но никаких

обязательств перед Глебом не несут, да и видеть его большим желанием не горят. Со своей стороны, Глеб тоже не собирался тратить время на пустопорожние посиделки в провинциальном Коннектикуте. В его блокноте имелись несколько адресов художников, живущих в Нью-Йорке, которых ему рекомендовали преподаватели Воронежского художественного института и те московские художники, с кем за три года проживания в столице он успел сблизиться. Словом, неся в Нью-Йорк, в предвкушении блестящего будущего.

Увы, в «столице мира» после нескольких месяцев проживания в шумном и грязном общежитии на Брайтоне, более похожем на притон, где жильцы постоянно пили, дрались и делили проституток, после не открывшихся высоких дверей в Манхэттене, оставшихся без ответа телефонных звонков и вежливых, но очень твердых просьб не мешать, Глеб всерьез задумался о правильности своего решения остаться в Штатах. Ему даже начала сниться Кира, злорадно хохочущая. Червь сомнения зашевелился в его смятенной душе и наверняка бы превратился в питона, и проглотил бы несчастного Глеба, не отправься он однажды в Центральный парк, где случайно встретил Давида.

Давид – высокорослый армянин, сидел посреди зимней аллеи и писал углем этюд. Разговорились. Глеб сразу же почувствовал с Давидом некое глубинное, кровное родство.

– Художник. Из Москвы. А-а... – Давид растягивал «а-а», вкладывая в этот звук самые разные интонации. – Хочешь пробиться? Выставляться в галереях? А-а... Любишь Эль Греко, прерафаэлитов и французский модерн? А-а...

Так, под эти ра-а-аспевы небритого Давида, для которого время протекало в ином измерении, во взгляде которого сквозили отрешенность и страдание, а во всем облике угадывались одновременно непомерная гордыня и тишайшее смирение, они шли по заснеженным аллеям парка.

На ветках лежал снег, порой слетая искрящейся пылью. Тишину нарушало редкое карканье ворон. А за каменным парапетом высились здания люксовых гостиниц, бутиков и ресторанов; в жидком тающем снегу визжали тормозами машины, словом, жизнь текла по своим законам – чужим и еще совершенно непонятым Глебу.

Давид помог Глебу с жильем, пристроив у одного своего знакомого, владельца дома. За проживание в полуподвальной комнатухе Глеб должен был чистить снег у дома, мыть лестничные клетки и выносить мусорные мешки. Вонь, грязь, химикаты. Зато теперь была крыша над головой и даже небольшая зарплата, которой хватало на еду, бумагу и краски. А главное – был Давид.

Студия Давида напоминала келью монаха. Да и сам он, вечно небритый, молчаливый, на вид – спокойный и безразличный, но в глубине души страдающий от вечного недовольства собой, был похож на аскета из какого-то горного армянского монастыря. Давид уже вышел на тот уровень, когда мог зарабатывать на жизнь искусством. Ему заказывали портреты богатые американцы, его картины висели в престижных галереях. Однако ко всем этим своим достижениям Давид относился без особого пиетета, даже с некоторым презрением. Еще и злился, потому что был вынужден заниматься черт знает чем, вместо того, чтобы завершить «картину своей жизни».

«Последнее пришествие Христа» – вот полотно, над которым Давид бился, по его словам, уже третий год: закончив отделку последних деталей, внимательно смотрел на законченную работу и... Неожиданно взяв скребок, нещадно срезал с холста все три фигуры – Христа, Иоанна и Богоматери. Через минуту на холсте среди огненных молний и грозовых туч темнели три бесформенных пятна.

– Па-анимаешь, Христос должен внушать не только страх, но и надежду. Даже на Страшном Суде человеку нужна надежда! Я видел такое «Пришествие» на одной иконе в церкви Ариче... – Давид брал в руки тряпку, выливал на нее смывку из бутылки. Вытирая грязные руки, продолжал хмуро глядеть на изуродованное полотно.

Глеб, в это время сидевший в уголке на кушетке, под молитвенные армянские песнопения из магнитофона уносился куда-то – то ли в древние церкви Воронежа, то ли в Ариче, на Кавказ. Пытался запомнить эту композицию: Давида, в черных спортивных штанах и майке, на фоне картины Страшного Суда сжимающего скребок. А потом дома, в своей комнатушке, делал эскизы...

### **Глава 3**

– Честно признаться, я пока окончательно не решила, чем буду заниматься и как надолго останусь в Штатах. Официально срок моей студенческой визы истекает в сентябре. Но мне в лом возвращаться назад, в свой педагогический институт. Посмотрим, может, удастся зажечь что-нибудь в Нью-Йорке.

– Что сделать?

– Зажечь. В смысле устроить что-то такое, необычное. Так сегодня в Москве молодежь выражается. Вы здесь, в Америке, совсем отстали от жизни, законсервировались, – сказала Неля, входя в квартиру.

– Вот кладовка, в ней вешалки для одежды, – он опустил на пол ее сумку с вещами.

– А как вас правильно называть – Глеб или Глен? Мама говорила, что в оригинале вы Глеб, но когда мы вас разыскивали, потратили кучу времени: в «Гугле» вы пишется как Глен. Какой вы конспиратор, однако.

– Называй как тебе удобно. Что Глеб, что Глен – один хрен, – усмехнувшись, ответил Чернов и поймал себя на мысли, что с этой девочкой почему-то чувствует себя крайне неловко, не в своей тарелке. Впрочем, виду не подал. – Проходи в комнату. Здесь я живу.

Неля ходила по двум просторным комнатам:

– Вот это я понимаю: современно и без претензий. Мне тоже нравится, когда в квартире мало мебели и нет ничего лишнего. Это кто?

– Мои родители, – Глен остановился возле книжной полки, где в рамках стояли две фотографии мужчины и женщины. – Они умерли.

– А вы немножко похожи на свою маму... У-ух, какая клевая панорама, – подойдя к окну, Неля отвела прозрачную занавеску.

Если бы не угол соседнего дома с глухой стеной, то вид на Манхэттен отсюда был бы действительно великолепным.

Прибитый к оконной раме висел, мордой вниз, декоративный крокодил.

– Привез его из Флориды, там крокодилиий террариум, целое крокодилье царство.

– Вы, наверное, объездили полмира. А в России за все эти годы так никогда и не были?

– Был дважды. Когда умерли родители.

– Почему же вы к нам не заехали? Мама была бы вам очень рада. Она, когда о вас вспоминает, говорит, что знакомство с вами было настоящее чудо в ее жизни. Вы и в самом деле гений?

Вопрос был задан с такой непосредственностью, что Чернов даже растерялся:

– Да какой к черту гений. По молодости, знаешь, все мы гении, Рафаэли. Но потом, как говорится, жизнь берет свое: амбиции потихоньку уходят, бытовуха заедает. И все Рафаэли разбегаются кто куда, как мокрые петухи, – он хмыкнул. – Впрочем, тебе это знать пока не обязательно, всему свое время. Давай лучше обсудим правила общежития, – тон Глена приобрел деловитость.

– Давайте. Вы только сильно не переживайте, я послушная и аккуратная. Вы даже не заметите мое присутствие, гарантирую. Ой, какой любопытный портрет. Это вы? – она остановилась у портрета на стене, выполненного во вкусе «уличных» портретов. – Вы тут на себя не очень похожи. Или нет... – наклонила голову набок. – В общем-то, похож, но... какой-то страшный, какой-то дикарь.

– Да, интересный портрет.

– Кто же его написал? Вы сами?

– Нет. Был у меня когда-то приятель – Давид, талантливый художник. Умел видеть суть вещей, а не просто ямочки на щеках. Где он сейчас, что с ним, даже не знаю... Ну, да ладно, поболтать об искусстве у нас еще будет предостаточно времени, – Глен замолчал: разговаривать о живописи ему явно не хотелось. Напустив на лицо холодно-приветливую улыбку, прошел в другую комнату:

– Это твоя норка. Ящики комода я освободил, пользуйся. Постельное белье, полотенца. Кондиционер, – он нажал кнопку, и комната наполнилась мерным жужжанием. – Компьютером можешь пользоваться, Интернет подключен, только загружай поменьше мусора. Договорились? Кровать, – произнес совершенно безразличным тоном.

– Все поняла, олл райт! Да вы не волнуйтесь, я вас не обременю. Буду супы варить и жарить картошку, если, конечно, время позволит. Я ведь намерена здесь заработать кучу денег. Мне нужно вернуть долг за билеты и привезти в Москву еще тысяч пять-семь. Вы считаете, это реально?

– М-м. В Америке устроиться на любую работу очень трудно. Но нужно пробовать.

– И почему мама говорила, что вы сложный человек? Мама любит все усложнять. По-моему, с вами очень легко.

– Иди прими ванну с дороги. А я состряпаю что-нибудь на кухне. Окей?

– Йес, сэр!

\* \* \*

...– А вскоре открылось, что у него есть другая семья, двое детей, представляете? Целых десять лет он не хотел меня видеть, хотя с мамой они иногда встречались. Мама замуж так никогда и не вышла. Зато меня очень любила бабушка, папина мама. Они из потомственных дворян, из Трубецких, просто эту фамилию во время исторических катаклизмов они потеряли.

– А что случилось с твоим отцом? Где он сейчас? – спросил Глен, сидевший напротив Нели.

Кухонный стол был уставлен банками немецкого пива, тарелками с нарезанным сыром бри, копченой колбасой и салатами.

– Папа умер от рака, когда мне исполнилось тринадцать лет. В последние годы он почему-то изменился по отношению ко мне, даже приглашал к себе домой, где я познакомилась со своими сводными сестрами.

– Понятно. Вина хочешь? – спросил Глен и невольно подумал, что не расстанься он когда-то с Кирой, у него бы сейчас могла быть дочка приблизительно такого же возраста, как и Неля...

– Нет, я вино не пью. Лучше пиво, – она потянула скобку, и после легкого щелчка из отверстия банки с шипением выползла белая пена. – За встречу!

– За встречу! – поддержал Глен.

Сам того не замечая, весь вечер с пристальным вниманием он изучал этот живой экспонат – Нелю.

Большие темно-карие глаза, чуть припухлые, но красивой формы губы, мягкий подбородок – нет, все это Кирино. Какая поразительная схожесть матери и дочери, трудно поверить! Кира, перед ним сидела Кира, двадцати лет, с ее характерным поворотом головы, непринужденностью движений, наивностью, доверчивостью, сумасбродством... «Кира, неужели столько лет пронеслось с тех пор, как мы, вернувшись с театра, сидели в кухне, в твоей московской квартире, где над головой тикали часы и молчала до срока злая кукушка?»

...В тот вечер на Кире было шерстяное лиловое платье. Черные крупные бусы на шее подчеркивали красоту ее огромных глаз. Глеб что-то рассказывал, а Кира слушала, изредка вставляя комментарии. Глаза ее блестели все сильнее, все жарче. А на улице было холодно, так холодно и снежно, как никогда, и Глеб молился в душе всем богам, чтобы они подбросили еще снежку, самую малость, и тогда ее мама, эта ведьма, может, останется на ночь у своей сестры.

Потом Кира нежным котенком куталась в одеяло, наблюдая, как Глеб колдует у заиндеветшего, заросшего белым дремучим лесом окна. Он дышал на стекло в разных местах и выводил на нем причудливые вензеля, часто наклоняясь, чтобы в слабом свете ночника увидеть, соблюдена ли симметричность в узор...

– Почему вы ничего не спрашиваете про маму? – возмутилась Неля и, не дожидаясь, сама начала рассказывать.

...За окнами уже стемнело. Весь день был наполнен такими впечатлениями, такой духотой, что теперь, после пива, по телу Глена потекла приятная истома. Захотелось принять душ, лечь, почитать новости. Неля, тоже уставшая от перелета и впечатлений, умолкла, сладко потянулась, выгнув по-кошачьи спину. Ее большие груди рельефно обозначились под легкой футболкой:

– Ты наверняка устала и хочешь спать?

– Да, не мешало бы вздремнуть.

«Соски, похоже, маленькие, острые, – отметил Глен, вставая, чтобы убрать со стола. – Что же теперь мне делать? Терпеть? Или, как отец Сергей, отрубить себе палец?» Он подставил нож под струю горячей воды, стер мочалкой с лезвия присохшие крошки.

– Давайте я вам помогу, – Неля стала рядом и как будто попыталась легонечко отодвинуть Чернова своими бедрами в шортах.  
– Нет, спасибо, я сам. Видишь ли, я – закоренелый холостяк, покрытый ракушками привычек. Холостяки – самые безнадежные консерваторы.  
– Не хотите – не надо, – холодно промолвила Неля, выходя из кухни.  
«Обиделась, что ли?» Со злостью он еще раз тиранул мочалкой по ножу.  
«Девочка, похоже, с характером. Как и ее мамаша. Черт бы их всех побрал!»

## Глава 4

Ночь. Монотонно урчит кондиционер. Через окна в комнату льется лунный свет.

Глен, в спортивных трусах, с закинутыми за голову руками, лежит на диване. Худые ноги вытянуты, ребра грудной клетки вздымаются. Свет слишком слаб, чтобы различить редкие волоски на его груди.

Его глаза открыты. Разговоры с московской гостьей, воспоминания неожиданно растревожили его.

Он смотрит на свой портрет на стене, когда-то написанный Давидом. Черты лица на портрете из-за слабого света сейчас почти не видны.

Глен все же напрягает зрение – в портретной раме как будто происходит движение: голова на холсте начинает медленно поворачиваться.

Напряженной гудит кондиционер. Легкий хруст раздается в его решетке, наверное, потоком внутрь затянуло муху или бабочку, и сейчас лопасти вентилятора переламывают ей крылья.

Лысая яйцообразная голова высовывается из портрета. Вот уже видны белки глаз, нос с широкими ноздрями.

– Хулио, ты?

– Sí, señor. (да, сеньор – *исп.*)

Встречу с этим аргентинцем можно смело отнести к разряду роковых, во всяком случае, для Глена, который в те времена бедствовал в Нью-Йорке, менял комнаты в подвалах и на чердаках, перебивался с хлеба на воду, получая случайные заработки, рисовал портреты на улице, мыл посуду в буфете, штукатурил стены и разносил флаеры.

Правда, все свободное время он отдавал живописи. С закрытыми глазами он мог пройти по этажам Метрополитен музея в любой желанный зал. Только теперь, в оригиналах, он по-новому открывал для себя богатство палитры, мастерскую отделку каждой детали на холстах божественного Рафаэля, Тициана, Караваджо.

Конечно, и в России он часто, насколько мог, бывал в Эрмитаже, а с переездом в Москву много ходил по залам Третьяковки и Пушкинского музея. Но тогда Глеб только становился на художественную стезю, искал и определялся в своих вкусах. Да и слишком много времени тогда уходило на болтовню об искусстве, на кабаки, на желание блеснуть перед приятелями-художниками или поклонницами. Теперь же, став в Нью-Йорке своего рода изгоем-одиночкой, горемыкой-иммигрантом, причем нелегальным, он был совершенно свободен. Соперничать ему было не с кем, поражать своими художествами – некого. Окружали его, в основном, грузчики и посудомойки. Единственным маяком в море тоски и бедности оставался Давид. Иногда Глеб приносил ему свои наиболее удачные работы, и Давид-мэтр указывал на их достоинства и недостатки. Случалось, они вдвоем ходили в музеи. Давид всегда надолго останавливался в зале Итальянского Возрождения: «Надо же, насколько армянское Возрождение перекликается с итальянским! Жаль, что здесь нет ни одной миниатюры нашего великого Тороса Рослина!»

Рука Глеба потихоньку крепла, кисть работала уверенней. Он уже начал постигать прозрачную легкость светотени и красоту аскетичных линий. Рядом с Давидом Глеб чувствовал себя причастным к некоему высшему ордену, и тогда в его сердце звучала благодарность жизни.

Единственное, что его порою омрачало, – это непомерная гордыня Давида. Давид парил в своих мирах, почти не интересуясь житейскими нуждами Глеба. Стоило Глебу начать жаловаться на свою неустроенность, как лицо Давида приобретало отрешенное выражение, слушал он вполуха, произнося свое тягуче-распевное «а-а...» Иногда он казался Глебу бесчувственным аскетом, напрочь забывшим о своих земных собратях и дерзающим разговаривать лишь с небожителями.

Все так бы все и продолжалось, если бы вдруг...

– Си, синьор.

в жизни Глеба не появился Хулио.

Назвать Хулио уродом было бы неверно. Но и к писаным красавцам его тоже нельзя было отнести: остриженная наголо яйцевидная голова, большие, с крупными белками глаза, чувственные губы, постоянно кривящиеся в лукавой, ироничной улыбке. Коренастый, ростом чуть ниже среднего. И вроде бы ничем не был примечателен синьор Хулио, даже именем своим, звучащим для русского уха несколько двусмысленно. Если бы не ШАРМ. Можно ли смотреть на субтропическое солнце летом без защитных очков, когда оно в зените? И если продолжить аналогию с солнцем, то шарм уподоблял Хулио солнцу – прекрасному всегда, в любое время, даже во время солнечных затмений...

\* \* \*

С Глебом они познакомились в «Рокфеллер центре», где на одном из этажей в холле были выставлены две огромные бронзовые скульптуры Адама и Евы, стоимостью в миллион долларов каждая. Адам и Ева были похожи на двух бегемотов, стоящих на задних лапах. Никто из входящей сюда публики покупать их явно не собирался. Зато все с удовольствием фотографировались на их фоне: мужчины – у массивной задницы праматери Евы, женщины – возле коротенького, торчащего карандашиком, члена праотца Адама, причем за член с жадностью норовили ухватиться нежные ручки сразу всех желающих.

– Хотел бы я очутиться на месте этого Адама, – мечтательно промолвил Хулио.

Стоящий рядом Глен оценил шутку:

– Вот это, я понимаю, художественный успех. Интересно, кто автор этого уродства?

Познакомились. Хулио признался, что зашел сюда не просто так: хочет завести знакомство с тем, кто бы помог ему выставить здесь на продажу его картины. Оказывается, Хулио тоже художник. Его вкусы и предпочтения – импрессионисты. Да, он любит и русскую живопись, но все же больше – французскую и латиноамериканскую.

Сам он родом из Буэнос-Айреса, но его предки – испанские гранды, в Севилье у него даже своя вилла. Занимался когда-то профессионально восточными единоборствами, получил черный пояс, однако потом из большого спорта ушел, посвятив себя живописи. В Буэнос-Айресе у него остались бывшая жена и десятилетний сын, которого он безумно любит и посылает туда деньги. Еще у Хулио свои бизнес-проекты, акции в нефтяных компаниях, партнерство в нескольких рекламных фирмах. Впрочем, деньги его не интересуют, вернее, интересуют, но не до такой степени, чтобы из-за них лезть в петлю. Его главная цель – живопись.

– Деньги – мусор, они нужны только для того, чтобы не занимать голову художника заботами о хлебе насущном. Художник не должен всю жизнь прозябать в подвале. Если ты нищий, значит, ты раб, а рабы не могут творить свободно, – говорил Хулио, когда они с Гленом гуляли по ночному городу. Свои слова Хулио подкреплял поступками. Они останавливались в «Табачном дворце», и Хулио заказывал мастеру-кубинцу изготовить сейчас же сигару из самых крепких табачных листьев. Не глядя, вынимал из кармана кожаной, отороченной лисьим мехом, куртки сотню баксов и отдавал сигарных дел мастеру. Заказывал в баре устрицы, напитки и десерт на триста долларов и уходил, оставляя щедрые чаевые, даже не притронувшись к еде.

Ну, положим, он немножко пускал пыль Глену в глаза. Зато все это проделывалось с такой пластикой, с такой озорной иронией в умных, немного замутненных марихуаной глазах, что не поддаться обаянию, устоять перед этим художником-миллионером было невозможно.

Глен, утомленный скитаниями, нуждой, вспышками отчаяния, вдруг ожил, потянулся к Хулио как к брату-близнецу, которого когда-то потерял в детстве и потом всю жизнь искал.

Хулио обещал пролить на голову Глена золотой дождь. Обещал помочь с документами. Обещал работу – не грузчика или посудомоя, а дизайнера в солидной фирме. Обещал потом, когда у Глена появятся деньги, помочь советами, как их выгодно вложить. Обещал поездку по Европе с остановкой на его севильской вилле, океанские рыбалки, полеты на вертолете, уроки по ушу у японских мастеров. Красивых натурщиц.

– Держись только вместе с победителями, избегай общения с жертвами! Вы, русские, любите сами себе создавать проблемы, – поучал Хулио. Произнося слово «проблема», он проглатывал звук «б» и сильно смягчал «л», отчего роковое для русских ушей слово «проблема» в устах Хулио звучало очень мило – «пролем».

– Жизнь любого русского – сплошная пролем. У вас, что ни возьми – любовь, работа, отдых – всё пролем. Вы не забываете о пролем даже во время оргазма!

Глен не противился этим призывам к свободе. Нью-Йорк, с его веселым бездушием, Нью-Йорк жадности и злости, в котором до сих пор жил Глен, исчезал, растворяясь в бокалах рома и текилы.

Жизнь, казалось, бросила ему вызов – лайковую перчатку – и Глен эту перчатку поднял.

Конечно, он не забывал, что все эти блага пожалованы ему с барского плеча аргентинского собрата, который – стоит лишь ему захотеть, одним щелчком может сбить Глена со своего плеча.

Зато, как художник, Глен ощущал свое превосходство перед Хулио. Знал, что его работы гораздо сильнее.

Откуда только брались силы шататься с Хулио по ночному городу! Заходили и в дешевые грязные пабы, и в бары пятизвездочных отелей. Хулио платил за все и ничего не просил у Глена взамен, наслаждаясь ролью мецената.

Единственное, чего он не обещал, – это помочь с карьерой художника.

– В Нью-Йорке конкуренция среди художников страшнее, чем среди акционеров на бирже. Художники здесь друг друга душат и мочат, как ушуисты, – Хулио подпрыгивал и с криком «и-й-ая!» в полете начинал колотить руками невидимого ненавистного противника. – Художники здесь, унижаясь, ползают раком, продают все, что могут, даже самих себя, ради

одного – выставиться. Пробыться в Нью-Йорке как художнику – единственная для меня пролем...

Поэтому всемогущему Хулио приходилось самому давать взятки, искать знакомства, пресмыкаться. И перед кем? Не перед критиками живописи и даже не галерейщиками, а перед представителями администраций банков и супермаркетов, менеджментом в небоскребах, отвечающих за интерьеры зданий. Они-то, эти серенькие мышки, закончившие слабые колледжи и получившие по благу места в администрациях, зачастую решали, какую картину или скульптуру какого художника принять и выставить на обзор и продажу.

– Моя заветная мечта – персональная выставка в музее «Модерн Арт». За это я бы отдал все. И-й-я!!! – орал Хулио, с разворота в прыжке ударяя пяткой ствол исполинского дуба с такой силой, что на верхушке его дребезжали листочки, и перепуганные вороны со всего сквера тучей взмывали в небо. – Опять отказали! Джейн из Сити-банка, эта резиновая галоша в трусах от «Виктория Секрет», сказала, что не может выставить в центральном отделении моего «Быка Мира». Она отдала контракт Ботеро, этому прохвосту! Подаренный ей набор косметики за пять тысяч баксов и два билета в первом ряду на Бродвейский мюзикл – все напрасно. И-й-я! – белки больших глаз Хулио наливались кровью. Он бешено прыгал и, вращаясь вокруг своей оси, бил ногами дубовый ствол.

Самым странным было то, что этого дикого сибарита иногда охватывали тяжелые приступы меланхолии. Поникший, совершенно раздавленный, в сдвинутом на ухо берете и обмотанном кое-как вокруг шеи шарфе, приходил Хулио в каморку Глена. Стягивал шарф, словно веревку, доставал из пачки сигарету и начинал жаловаться. Жаловался на свою смерть как художника, на частые запоры, на подругу Марину, которая любит не его, а только его деньги.

– Вы, русские, правы: жизнь – это сплошная пролем. Мне очень одиноко. Моя жизнь не имеет никакого смысла. Ты – единственный человек на свете, кто меня понимает... – он плакал.

Глен задыхался в чаду его сигарет. Маленькое окошко под потолком не выручало. Тогда он предлагал прогуляться, и они бродили по улицам, куда глаза глядят, два неразлучных брата...

## Глава 5

Неля искала работу. Девушка смелая, рискованная, она загодя не ограничивала горизонты своих возможностей и пробовала, что называется, все подряд.

В самолете по дороге в Нью-Йорк она познакомилась со сверстницей, летевшей в Америку по гостевой визе, с такими же планами – заработать денег. Умея поразительно легко и достаточно неразборчиво заводить знакомства, Неля обменялась с девушкой номерами телефонов. Случайное знакомство скрепили нерушимыми клятвами о взаимной помощи в чужой стране. Такое начало не могло не вдохновить, и Неля, верившая в роковые случайности и приметы, обрела, наконец, полное внутреннее равновесие.

В глубине души она всегда признавала правильность слов мамы и бабушки, что она – неисправимая фантазерка. Но мама, хоть и выговаривала Неле за ее фантазии, сама не ахти как много преуспела в жизни: осталась незамужней и при всех своих разнообразных способностях работала обычной телефонисткой. Тоже терпела моральный террор со стороны бабушки, единственной реалистки в их семье.

Мама и особенно бабушка с самого начала были против ее поездки в Штаты, видели в этом очередной Нелин каприз, чудачество и неоправданную трату денег.

И вдруг жилищно-бытовая часть ее пребывания в Нью-Йорке разрешилась чудесным образом – есть у кого остановиться, причем совершенно бесплатно! Мамочка любимая – молодец, через «Facebook» нашла какого-то друга своей юности, связавшего ее с загадочным мистером Глинтвейном (так Неля еще до встречи окрестила Глена). Позвонили ему в Нью-Йорк, и вопрос мигом решился. Потому что хорошие люди помогают друг другу и так, «на шару».

Две недели спустя, уже в Нью-Йорке, «похилияв по Бродвею», спрашивая в барах и гостиницах, не нужны ли им официантки или горничные, и получая в ответ неизменно вежливое «нет», Неля слегка взгрустнула. Но три месяца, которые ей предстояло провести в Штатах, казались таким необъятным сроком, что из-за двух потерянных недель не стоило сильно нервничать.

Глинтвейн сразу отстранился от хлопот по ее трудоустройству. Надо сказать, Нелю несколько тяготил плохо скрываемый скептицизм Глена на этот счет. Стоило завести с ним разговор о ее безуспешных попытках устроиться на работу, как его лицо сразу грустнело, и он издавал невнятные звуки: «э-э», «о-хо», чередуя их редким, но очень противным мычанием.

Ну и, вдобавок, если копнуть глубже и говорить начистоту, то работать Неле совершенно не хотелось – ни официанткой, ни горничной. С большим удовольствием она все время проводила бы на пляжах и в дискотеках.

Романтических планов подцепить богатенького америкоса и выйти за него замуж, у нее не было. Повезет – хорошо, нет – не надо. Конечно, ей все уши прожужжали рассказами о «русских невестах» за границей. Мама умоляла дочку «не влипнуть ни в какую историю», а бабушка – та вообще прочла

Неле серию лекций о случайных связях за границей, которые заканчиваются похищениями, арестами и СПИДом.

Накануне поездки Неля рассталась с Вадимом после очень бурного, но кратковременного романа, и сердце ее было абсолютно свободно.

\* \* \*

Приблизительно через три недели, когда на нежную кожу Нели лег нью-йоркский загар, она неожиданно получила звонок от «самолетной» подруги – та звала ее в Нью-Джерси, где работала прислугой в доме у богатых евреев; их старшая дочь недавно родила ребенка, нужна была няня-уборщица.

Получив звонок и уточнив условия работы и оплату, Неля воскликнула: «Согласна! Выезжаю завтра же, первым автобусом!» Сложила вещи и даже купила упаковку немецкого пива, которое любил Глен, нажарила к его приходу картошку и закатила прощальный ужин.

Отлично! – есть работа. Она отработает долг за билеты и привезет домой «кучу денег».

И, что самое главное, – наконец уедет от Глентвейна. Его скептическое хмыканье в ее адрес раздражали чрезвычайно. Самым ужасным было то, что она не могла Глена ни в чем упрекнуть: он был замурован в броню своей напускной вежливости и великодушия – щедро подбрасывал ей деньги на карманные расходы. При этом Неля не могла избавиться от ощущения, что Глен – паук, злой паук. А себя она порой мечтательно воображала его будущей жертвой – прекрасной бабочкой...

Провели прощальный вечер: пили пиво с жареной, немного подгоревшей картошкой, слушали музыку. Глеб Гленьч, похоже, тоже был рад ее отъезду и даже немножко пустился в откровения:

– В данный момент я работаю в фирме ритуальных услуг. Нет, не гробокопателем и не обмывающим трупы. Руководжу там дизайном. Как бы тебе вкратце объяснить? Люди умирают, и их надо хоронить, так? Но их ведь просто так в гроб не положишь – перед этим их надо одеть в приличную одежду, разослать приглашения на похороны, отпечатать программу церемонии прощания и т.д. Вот наша фирма и обеспечивает всю оформительскую часть.

– И как оно – работать в таком заведении? На психику не давит? – спросила Неля. Почему-то ей захотелось отодвинуться от Глена подальше, хотя она и так сидела на достаточном от него расстоянии.

– Честно признаться, поначалу сильно смущало. Там у нас в фирме есть шоу-рум – зал, где экспонируется все это барахло: костюмы, платья, таблички для гробов, урны для пепла, короче, весь джентльменский набор покойника. Мне,

чтобы из своего офиса попасть в офис менеджера, приходится каждый раз проходить через тот зал. Это – единственное, к чему трудно было привыкнуть. Хоть оно и странно: с натуральными покойниками я имел дело, еще когда учился в институте; нас водили в анатомку и – ничего, смотрел спокойно. А вот этот зал почему-то не переношу.

Изменившись в лице, Неля спустила ноги с кресла. Рассказ Глена преисполнил ее смутной печалью и... жалостью к нему. Угадала глубокую, скрытую беду этого на вид оптимистичного, но в душе несчастливого человека.

– Но вы же художник. Как же так?.. Мама говорила, что ваши картины выставлялись в галереях Москвы и Парижа, что когда вы писали портреты на Арбате, собиралась огромная толпа, люди даже залезали на фонари, желая поглазеть на вашу работу. И тут – какая-то похоронная контора, урны с пеплом...

Глен пожал плечами:

– Что сказать? Было дело. Рисовал. Насчет Парижа мама немножко преувеличила. И про фонари на Арбате тоже не припоминаю. Но в галереях Москвы выставлялся... В общем, так: дело это давно минувших дней, и все неправда, – сказал он холодно.

Он вдруг почувствовал, что эта девочка заглянула в его душу и поняла то, что он тщательно скрывает все эти годы от многих и от себя самого.

– А я тоже: учусь в пединституте, но не для себя – больше для мамы с бабушкой. А чего хочу в жизни, сама толком не знаю, – призналась Неля.

– Ничего, еще разберешься. Мы немножко засиделись, а тебе рано утром в дорогу.

– Да, первый автобус в Нью-Джерси – в пять утра. Разбудите меня в половине четвертого, ладно? Я, может, буду брыкаться и прятаться под одеяло, но вы не обращайтесь внимания.

\* \* \*

Испуганная птица вспорхнула с подоконника, когда Глен щелкнул выключателем и яркий поток света наполнил комнату. Он полагал, этого вполне достаточно, чтобы проснуться любому. Однако Неля лежала, не шелохнувшись, и усом, имей она таковой, не повела.

Плед наполовину сполз на пол, открывая ее ногу до самого бедра и краешек розовых шелковых трусиков с черной кружевной бахромой. Нелин рот был приоткрыт, длинные волосы, днем обычно собранные сзади в узел, сейчас были распущены и беспорядочно спутаны.

Постояв пару минут, Глен кашлянул, снова щелкнул выключателем. Трудно было поверить, что можно спать, невзирая на все эти громкие щелканья и покашливания.

Но не дрогнула ни одна Нелина ресничка, ее лицо выражало такую открытость миру, невинность и безмятежность крепко спящей молодости, что Глен усомнился, спит ли она в самом деле, или притворяется. Наклонился к ее ушку и вдруг... услышал запах ее тела. Повеяло ландышами в лесу, весенним ветром, ручьями талого снега...

– Нелюша, вста-а-авай.

Она пробормотала что-то невнятное: «И если уйду... Тот или этот... Чур меня...» И крепко сжала подушку.

Голова Глена закружилась, какие-то предрассветные тени поползли в окна. С остервенением он защелкал выключателем и заорал:

– Мадам Трубецкая! Подъем!

## Глава 6

Нелина трудовая карьера длилась ровно десять дней. Вечером через десять дней она позвонила Чернову, предупредив, что возвращается завтра утром. Подробности ее работы и причины увольнения она потом излагала сумбурно, осыпая градом ругательств хозяйку, которая «эксплуатировала ее нещадно, пила кровь» и, в конце концов, рассчитала.

По совету Глена, она начала искать работу через газеты. Возвращаясь с работы, он заставал ее в расхристанном виде, иногда в пижаме, сидящей на полу, где на раскрытых газетных полосах стояли пузырьки лаков для ногтей и чашка кофе.

– Как успехи, мадам? – спрашивал Глен из ванной, сдерживая гнев в голосе: там его крем для бритья почему-то лежал на другой полочке, а на сушильных трубках висели разноцветные трусики и лифчики.

– Пока облом, – отвечала Неля из комнаты.

\* \* \*

– Я через час ухожу. Еду на интервью в одно агентство, – радостно сообщила Неля, когда Глен со взъерошенными, еще мокрыми волосами, в одних шортах, вышел из ванной. На его мускулистых плечах блестели невытертые капли.

Неля непроизвольно остановила взгляд на его красиво сложенной фигуре: мышцы груди с аккуратными круглыми сосками подтянуты, от пупа вниз сбегает тонкая полоска волос.

Вид полуголого Глена все чаще вызывал у Нели сладкий внутренний холодок...

– Что за агентство? – его лицо приняло обычное отстраненное выражение.

– Одна русская фирма. Им нужна девушка – в ночную смену в стриптиз-баре разносить дринки.

– Что? В борделе по ночам разносить алкоголь?

– Да. Они меня сами туда отвезут, а утром привезут обратно. Двести баксов за ночь! Представляете? Для этой работы не требуется никакой опыт. Единственное, они просят показать им паспорт, что мне уже 18 лет, – Неля победно приподняла подбородок.

– Послушай, дорогая. Мы ведь с тобой договорились с самого начала, если помнишь, что ни в какие стриптиз-клубы ты не идешь. Мне плевать, что они тебе пообещали. Хочешь трахаться за бабки – пожалуйста, воля твоя. Но тогда я – пас, отдавай ключи и живи, где хочешь, – красные пятна пошли по его лицу. – И еще – что за бардак ты устроила в квартире?! Все валяется, раскидано, телевизор не выключается, компьютер забит всяким мусором, жрать нечего. Хоть уборщицу вызывай! – он толкнул дверь и вышел из комнаты.

Сел у компьютера. Старался не слушать, что происходит в соседней комнате, где звонил телефон и Неля с кем-то разговаривала. Потом она прошла за его спиной. Не поворачивая головы, он все же повел глазами в сторону прихожей, где Неля надевала босоножки.

– Не обижайся, – сказала она тихо. – И не устраивай скандалы.

Глен молчал, поразившись ее внезапному переходу на ты.

Снова зазвонил ее телефон. Подскочив, Глен вырвал телефон у нее из рук и заорал по-русски:

– Ты, раздолбай! Забудь этот номер! Еще раз позвонишь, заявлю в полицию!

– Что вы так нервничаете? – услышал он в ответ хамоватый мужской голос.

– Повторяю: заявлю в полицию.

– F..ck you, – была последняя фраза в этом коротком разговоре.

Лицо Глена дышало яростью. Всё накопившееся раздражение, злость, томительная страсть – нахлынули разом на него.

– Убирайся! Завтра же! Складывай свои манатки и – аут! Поменяй дату вылета, я оплачу все издержки и сам отвезу тебя в аэропорт! Поняла? Завтра же! – хотел добавить что-то обидное, типа «шлюха» или даже совершенно убийственное «блядь», но удержался.

– Поняла, – промолвила она и, обиженно оттопырив лиловую губку, пошла назад в комнату.

«Даже лифчик не надела!» – гневно отметил Глен, выходя на улицу, чтобы успокоиться, а заодно убедиться, что у подъезда нет лимузина или какой-нибудь подозрительной черной машины с затемненными стеклами, в которых обычно возят проститутки.

\* \* \*

Ночью он лежал, ворочаясь с боку на бок, не мог уснуть. В комнате у Нели горел свет. Она кому-то звонила, шепотом о чем-то договаривалась, плакала, открывала ящики.

– Я завтра поменяю билеты и улечу, – сказала, входя в его комнату: – Извините, что доставила вам столько хлопот.

– Ничего, я не обижаюсь. Иди сюда, ко мне... – произнес он неожиданно.

В комнате темно. Неля лежит рядом с Гленом, едва слышно ее тихое дыхание. Спит.

Глен проводит ладонью по своей руке, затем тихонько целует ее плечо. Эта девушка, сама об этом не догадываясь, напомнила ему про то, кем он был когда-то и кем должен быть.

Ему страшно. Он хочет, чтобы для него все оставалось по-прежнему. Но поздно! Чаще и чаще он слышит звон колоколов и молитвенные песнопения в каких-то горных монастырях. Перед его глазами едва ли не постоянно возникают полотна божественного Леонардо, Рафаэля, Тициана. Он видит себя – с кистью, у холста...

## Глава 7

Несколько недель спустя, в час ночи машина Глена остановилась у одного особняка в Манхэттене. Глен потянулся к мобильнику, чтобы позвонить, но наружная дверь дома вдруг отворилась, и коренастый мужчина в футболке с пестрыми попугаями и в соломенной шляпе появился на крыльце.

– Привет. Долго ждешь? – спросил Хулио.

– Нет, не долго. Садись и поехали.

Путь лежал неблизкий – в самый конец Лонг-Айленда. Там, на причале, подвешенное к столбу, раскачиваемое океанским ветром, болтается на тросе большое каучуковое чучело акулы, которое провожает и встречает корабли.

И висит это великолепное чучело там уже лет десять, сколько помнит Глен, когда они впервые с Хулио открыли для себя новое место для рыбалки.

– Какие новости? – спросил Хулио, удобнее располагаясь на сиденье.

– Никаких.

Хулио помолчал. За столько лет знакомства они так хорошо изучили друг друга, что могли угадывать малейшие изменения настроения даже по интонации голоса.

– Что, покойники одолели? – спросил Хулио, наконец.

– Да.

– Ноу пролем. Потерпи еще полгода, когда станет ясно, что бизнес налажен и будут проданы первые акции. Ты, дубина, сам не понимаешь, какое сделал дело. Типография фирмы теперь работает без выходных – столько заказов! Три самых престижных похоронных дома Нью-Йорка подписали с нами контракты.

Машина уже мчалась по Лонг-Айленду, по обе стороны шоссе потянулись перелески, замелькали бензоколонки.

– Кто это поселился в твоей квартире, а? Пару раз звонил тебе, какая-то сеньорита снимала трубку. Судя по голосу, девочке лет двадцать. Говорит так забавно: «soгу» вместо «please». Она из России?

– Да, – Глен нажал педаль газа так, что стрелка на спидометре резко качнулась вправо, и Хулио слегка отбросило назад.

– Ого! – засмеялся он. – Смотри, старик, не перегрей мотор. «Виагра» не нужна? Могу поделиться.

Глен не ответил. Он долго молча смотрел на ровную черную полосу асфальта. Изредка по встречной полосе ехала какая-нибудь машина, и тогда Глен легким нажатием рычажка менял дальний свет на ближний.

– Деньги, счета, акции... Каждый день смотрю на похоронные надписи, открытки с сусальными ангелочками, костюмы, носки – всё это покойницкое шоу мод... Короче, все – я выхожу из игры.

– Окей, я все понимаю, но так из бизнеса не выходят. Давай вернемся к этому разговору попозже, – ответил Хулио. Он понял, что сейчас с приятелем происходит нечто иное. Неужели он хочет взяться «за старое»?

Машина сделала последний поворот, и в редяющих сумерках впереди показались мачты кораблей. А у невысокого домика за билетами стояла очередь рыбаков.

...И вот, отшвартовавшись, корабль пошел в открытый океан. На палубе никого не было, кроме двух матросов. Рыбаки тем временем находились в трюме. Некоторые играли в электронные игры на своих iPhone, но большинство спало в креслах. Трое французов о чем-то увлеченно разговаривали и громко смеялись.

Хулио рассказывал Глену о недавно купленной системе «Fashion Painting», где холст электронный, кисть тоже электронная, и рисовать можно, даже не прикасаясь к холсту:

– За электронной техникой будущее, писать обычной кистью и красками уже старо. Купи себе тоже такую систему. Или у тебя, как всегда, не хватает денег?

– Денег хватает. Но я предпочитаю писать по старинке, колонковой кистью. Так больше шансов попасть в «Модерн Арт».

– В «Модерн Арт»? – Хулио расхохотался: – Не забудь пригласить меня на открытие своей выставки.

Хулио еще что-то говорил о контрактах и счетах, а Глен закрыл глаза. Плыть предстояло еще часа полтора.

...Он видел Воронеж, где пролетели его детство и юность: дощатые заборы, крыши домов с торчащими антеннами, Чанга – их фокстерьера, рыжеватого, с темными пятнами. Вот Чанг, еще щенок, выбегает из дома и с лаем устремляется к глубокой луже, неподалеку от хлебного магазина, там всегда копошились птицы. В один миг всю тучу голубей и ворон подбрасывало в небо, и было забавно наблюдать, как маленький Чанг такое устроил...

– Очнись, пора, – Хулио трясет Глена за плечо.

Глен закрывает глаза в надежде досмотреть сон, однако его окончательно будит топот рыбаков, выбирающихся по лестнице на палубу.

Солнце еще только-только выползло над волнующейся водой. Беспокойно и радостно пищат чайки над кораблем: корабль – значит, им будет пожива. Далеко вдали – берег в пустынных, крутых обрывах.

– I got it! (есть! зацепил!) – раздается первый счастливый крик.

Все прутья спиннингов вдоль палубы разом приходят в движение.

– Got it! Got it! – кричат со всех концов корабля, и в большие пластмассовые ящики шлепаются первые пойманные рыбы.

Глен и Хулио стоят рядом, прижатые с обеих сторон рыбаками.

– Que sorpresa! Fabuloso! (замечательно! фантастика!) – кричит Хулио на испанском. Покрепче обхватив ручку спиннинга под мышкой, крутит катушку. Леска натянута, леску водит над водой таинственными кругами.

В темно-зеленой волнующейся бездне блестят серебристые зеркала – рыбы, изо всех сил стремящиеся уйти назад, в глубину, где мрак, холод, камни, крабы. Но какая-то сила, вцепившись в верхнюю губу, тянет их наверх, в жар света. Повсюду слышатся возгласы, ругань, чье-то пение, кто-то зовет моряка на помощь – затянуло леску под днище корабля.

– Сорвалась. F-fuck!.. – Хулио поправляет соломенную шляпу и мрачно смотрит туда, где миг назад из воды вылетела большая белая рыба с острым,

как пика, носом. Резанув зубами ненавистную леску, плюхнулась обратно в волны.

Все звонче пицат чайки. За корму полетели их первые «блюда» – рыбы кишки и отрезанные головы.

– Какая женщина может доставить мужчине столько кайфа, а? – Хулио вынимает крючок изо рта крупного окуня.

Холодные соленые брызги летят в лицо. Руки и одежда рыбаков – в слизи устриц, рыбьей крови и чешуе.

К обеду клев постепенно спадает.

– Вынимай снасти! – командует толстолицый капитан, сидящий наверху в кабине.

И корабль идет обратно, к берегу. Трюм снова полон. Китайцы, насытившись сырой рыбой в маринаде и захмелев от рисовой водки, французы от вина и песен, негры от пива и качки, – все спят.

Корабль швыряет в гигантских волнах, что спичечный коробок.

Машина возвращается в Нью-Йорк. Глен за рулем. Хулио, разомлев, полулежит на сиденье:

– Может, мне не нужно было продавать свою яхту? Но эти дорогушие страховки, техинспекции, ремонты, поиск дока на зиму. Нет, слишком много пролем, – размышляет он вслух. Позевывает, бросает взгляд на Глена: – Ну, старик, расскажи, наконец, про свою новую герлфренд.

## Глава 8

Глен – в черных спортивных штанах и футболке, испачканной красками, стоит у холста, натянутого на станок. На холсте едва видны контуры женской фигуры.

Глен вертит в пальцах карандаш. Прищурившись, поднимает руку, чтобы убедиться в точности измерения: лицо сидящей на стуле напротив него Нели возникает слева от карандаша, к которому прижат большой палец художника. Так проходит несколько томительных (для Нели) минут. Глен почти не двигается, а Неля боится и шелохнуться – запрещено!

Вот он подходит к ней, кладет руку на ее голое плечо. Словно прислушивается к чему-то. Затем начинает сжимать ее плечо своими крепкими пальцами так, что Неля вот-вот закричит от боли. И в тот момент, когда она готова закричать, его пальцы разжимаются.

– Встань, – велит он ей, и Неля покорно встает со стула, и встает, кстати, с большой радостью и со вздохом облегчения.

Он держит Нелю за руку и пристально, почти не моргая, смотрит в ее глаза.

– Стой спокойно, не шевелись. И не вздыхай так! Сядь! – вдруг кричит он, прикладывая кулаки к своему лицу: – Нет! Не то, не то!

Он начинает ходить из угла в угол, даже не смотрит на растерянную Нелю, покорно севшую на стул. Затем он валится на диван и лежит, уткнувшись лицом в подушку и накрыв голову руками.

Неля не знает, как ей быть – сидеть и ждать или подойти к нему и пожалеть его.

И следа не осталось от того уравновешенного Глена, которого она знала несколько месяцев назад. Она теперь совершенно не понимает его, не знает, чего от него ждать и как себя с ним вести.

В тот момент, когда она собирается встать, Глен вдруг вскакивает с дивана и подбегает к холсту. Проводит резкие, точные штрихи, один за другим.

«А нормальный ли он?» – задает себе вопрос Неля, глядя, как дико кривятся его губы.

– Оно, оно... – шепчет Глен.

– Ты помнишь «Флору» великого Тициана? О-о, это же шедевр, где нет ни единого сомнительного мазка!.. Знаешь, когда я вернулся из Италии, десять лет назад, впервые побывав в Риме и Флоренции, я был готов бросить все к чертям, и снова заняться живописью. Я даже собирался уехать в Рим, был согласен там жить впроголодь, лишь бы видеть Рафаэля и Леонардо.

– Ты имеешь в виду, чтобы видеть там их картины? – уточнила Неля, наливая в бокалы вино.

Они сидели на подушках, на полу, друг напротив друга.

– Не только картины, но и самих художников. Можешь мне не верить, но то, что я тебе сейчас скажу, – правда. Однажды я увидел там Микеланджело, он шел в Собор Святого Петра, а я в это время сидел на улице, на скамейке, мои ноги гудели от круглосуточной ходьбы по городу. Микеланджело, весь в мраморной пыли, возвращался с площади перед новым Капитолием, которую тогда проектировал, и шел в Собор Святого Петра, где уже заканчивали первый ярус купола. Он на миг остановился передо мной, и я увидел его глаза... -- Глеб сделал несколько глотков из бокала. – А на Пьяцца деи Фиори я видел Бенвенуто Челлини – он там рассматривал цветы у лоточницы...

– Но почему же ты тогда не уехал в Рим? – спросила Неля. Ей было безумно интересно слушать эти истории, похожие на сказки.

– Почему я не уехал? Меня сбил с толку мой приятель и бизнес-партнер Хулио, да-да, тот самый, с которым мы с тобой недавно сидели в кафе. Он попросил меня остаться в фирме на несколько месяцев. Я согласился. Потом он предложил мне купить у него на выгодных условиях вот эту квартиру, он тогда переезжал в новый кондоминиум в Манхэттене. Я соблазнился низкой ценой, залез в новые долги...

Глен встает и, отряхнув руки, подходит к холсту на станке. Включает лампу и, наклонив голову, долго смотрит на изображение женщины. Затем, хмыкнув, берет карандаш и пытается поправить какую-то линию.

А Неля сидит и ждет, когда он закончит рассказ о Риме, о великих художниках и зодчих, с которыми там встречался. Может, он хоть посмотрит сейчас на нее? Вспомнит, что она здесь? Хоть скажет ей, чтобы навела в квартире порядок? Может, хоть поинтересуется, что у нее на душе, что ее мучает, какие у нее планы?

– Ты испортила мой замысел! – кричит вдруг Глен. – Ты не умеешь ни любить, ни страдать! Ты ни во что не веришь! Тебя интересуют только деньги! – все эти обвинения он обращает то ли к Неле, то ли непонятно к кому. В ярости ломает карандаш и, быстро одевшись, уходит из квартиры.

– Гм-м... – тяжело вздохнув, Неля встает, чтобы убрать посуду.

## Глава 9

– Да, мамочка, я все запомнила, не волнуйся. Где Глеб Викторович? Он вышел купить себе краски, – Неля сидела перед монитором ноутбука, разговаривала с мамой по «Скайпу». – Мамуля, хочу тебе сообщить: я нашла работу няней у одной американки. Но она ставит условие – чтобы я у нее работала не меньше года. Я согласилась. За год заработаю, как минимум, двадцать пять тысяч баксов, представляешь?

– Нелюня, а как же институт? Двадцать пять тысяч баксов, конечно, хорошо. Но тебя же отчислят из института.

– Ма, не дрейфь. Я уже звонила в деканат. Декана, правда, не было, он еще в отпуске, но я разговаривала с Галиной Петровной, из секретариата. Она сказала, что я могу взять на год академический отпуск. Нужно только заполнить специальные формы, они есть онлайн.

– Все-таки я не одобряю твое решение остаться в Америке. Или у тебя там кто-то появился?

– Нет, что ты. Я бы тебе сразу сказала.

– А как поживает Глеб Викторович? – спросила Кира с едва уловимым замиранием в голосе.

– Глен Викторович? Очень хорошо, просто прекрасно. Переживает свое второе рождение. Пишет картины с утра до ночи. Ночью, кстати, тоже рисует.

– Я ему звонила несколько раз, но он почему-то не отвечает.

– Да, он практически ни с кем теперь не разговаривает. Разговоры его отвлекают, мешают творить. Хочешь посмотреть?

Взяв в руки лэптоп, Неля встала и начала медленно поворачивать его экраном по всей комнате, подходя к стенам, обвешанным картинами. Повернула лэптоп экраном вниз, показывая лежащие на полу эскизы.

– Ба-а... – протянула Кира, когда лэптоп был возвращен на стол. – Кого это он рисует? Не тебя ли? Уж больно похожа, мне, правда, не очень хорошо видно отсюда, из Москвы.

– Нет, мамочка, не меня. Я ему позирую, но он рисует другую женщину, – ту, которую по-прежнему безумно любит.

– Кого же это? – настороженно спросила Кира.

– Не переживай, мамочка, и не тебя. У этой женщины нет ни имени, ни возраста. Она – его художественный идеал, не имеющий ничего общего ни с одной реальной женщиной. А мы для него – лишь натурщицы.

Зарокотал лежащий на столе мобильный телефон. Неля взглянула на высветившийся номер:

– Yes, yes. Окай, – ответила она и отключила телефон: – А как там наша бабушка?

– Нормально, по-стариковски. Бабушка будет очень переживать, если ты останешься в Америке... Мне кажется, дочка, ты что-то скрываешь от меня. Скажи правду: у тебя с Глебом что-то есть?

– Нет, мамуля, абсолютно ничего. Я ему только позирую. Ладно, мне пора. Целую. Привет бабушке, – Неля нажала мышку, и Кира исчезла.

Неля сидит неподвижно, закрыв глаза. «Бедная мамочка, прости, что не все тебе рассказываю, что постоянно тебе вру. Никто мне никакую работу не предлагает. Я просто не хочу возвращаться в Москву, мои нью-йоркские гастроли еще не закончились.

Я же не могу тебе, мамочка, сказать, что у меня с Гленом произошла точно такая же история, как когда-то и у тебя с ним. Быть может, он влюбился в меня, но вскоре я ему стала не нужна, – ведь на холсте появилась та женщина, которая ему дороже всего на свете. Двадцать лет назад он оставил тебя, мамочка, по этой причине...»

Снова звонит ее мобильник:

– Yes, yes, one second, – отвечает она.

Подойдя к зеркалу, Неля расчесывает волосы и красит губы. Прищурившись, смотрит на себя в зеркале.

Нелино отражение говорит ей: «Тебе очень одиноко и очень больно. Ты не должна оставаться с этим диким и черствым мужчиной, пусть он хоть трижды талантливый. Ты совершила ошибку, полюбив его. Но эту ошибку можно исправить».

Смахнув набежавшую слезинку, она выходит из квартиры.

И вот она на улице. Щеки ее пылают: она чувствует, что сейчас совершает что-то ужасное.

У бордюра возле дома стоит белый «Бентли». Неля подходит к машине.

А там за рулем – Хулио!

– Сеньорита, – обращается к ней Хулио, вынимая изо рта сигару: – Куда едем? В итальянский ресторан, а потом на японский массаж?

– Йес, сэр, – Неля садится в машину.

## Глава 10

Из всех приятных занятий и развлечений Неле больше всего нравились прыжки с парашютом, посещение магазина «Victoria`s Secret» и стрельба из пистолета.

Хулио владел небольшим домом в Лонг Айленд, типа дачи. Там, в металлическом шкафу, хранилось несколько винтовок и пистолет. Неподалеку находилось стрельбище, и Неля с Хулио, «вооруженные до зубов», порой ездили туда.

Перед стрельбой Хулио рисовал мишени – забавных покемонов, таких, как на детских карточках. Покемоны Хулио были очень смешными – с букетами ромашек, торчащими из задницы, или со свиным пяточком вместо носа. Порой Неля вступалась за них, мол, стрелять в таких симпатичных покемонов ее рука не поднимется. И тогда Хулио дорисовывал им рога и копыта.

На стрельбище они прикрепляли мишени к деревянным щитам и открывали по ним огонь. Хулио любил стрелять сразу из двух винтовок, от бедра, как в ковбойских фильмах. Грохотало так, что Неле приходилось надевать наушники, чтобы не оглохнуть.

Хулио учил Нелю стрелять из пистолета: показывал, как нужно держать пистолет, чтобы рука быстро не уставала, и как правильно целиться. Он прижимался к ней гладкой щекой, что-то мурлыча на ушко; от него исходил крепкий запах сигар и горьковатых духов...

Вернувшись на дачу, они занимались любовью, пили текилу и ром, дурачились, как дети. Неля устраивала шоу мод: ходила по всему дому в новом нижнем белье от «Victoria`s Secret», в ковбойской шляпе, сапогах и с пистолетом в руке.

Хулио оплатил ее долги и обещал пролить на голову Нели золотой дождь: помочь с документами (срок ее студенческой визы уже истек), устроить на курсы японского массажа, поехать с ней в Лас Вегас...

Глен, узнав, наконец, правду: где, а главное – с кем Неля проводит дни и ночи, был обескуражен. Он пытался что-то изменить: просил ее «не делать глупостей», обещал больше не мучить позированием и заменить ее другой натурщицей.

Как-то раз он даже опустился перед ней на колени и, обняв ее ноги, просил ее не уходить.

Но как могла Неля уступить ему, если внизу, под домом, ждал белый «Ягуар»?!

\* \* \*

Однажды, вернувшись домой, Глен застал интересную сцену: Неля складывала свои вещи в чемодан, а Хулио сидел в кресле с высокой спинкой, закинув руки за голову и раскачиваясь взад-вперед.

– Она переезжает ко мне, – сказал Хулио, улыбнувшись.

Он встал с кресла и протянул Глену руку, но тот не пожал ее.

– Ты обижаешься? Это зря, – Хулио пожал плечами. – Она взрослая, самостоятельная женщина, знает, что ей нужно для счастья.

Он бросил взгляд на холст на станке. Его губы скривились в ироничной улыбке:

– Что, опять заболел «Римской болезнью»? Ну-ну, желаю удачи, – затем Хулио обратился к Неле: – Синьора, вы готовы?

Неля стояла за спиной Глена, держала вытянутую ручку чемодана.

– Йес, сэр, – ответила тихо.

– Тогда пошли, – Хулио решительно взял ее чемодан.

Когда дверь за ними захлопнулась, Глен подошел к незаконченной картине. Смотрел на изящную молодую женщину на холсте, идущую вдоль берега, в черной шляпке и черном платье. Он с горечью подумал о том, что живопись принесла ему столько страданий; он теряет все, что имел, расстается даже с теми, кого любит и кто любит его.

– Нет! Нет! – ринувшись из квартиры, он стремглав помчался по лестницам вниз: – Неля!

Выбежал на улицу.

Но белый «Ягуар» уже подъехал к перекрестку и, мигнув красными задними фарами, повернул налево.

## Эпилог

В просторном зале стриптиз-клуба грохотала музыка. Ярким светом были залиты два участка: бар, где девушки в чепчиках и с открытыми грудями разливали напитки, и сцена, где танцевали стриптизерши.

Войдя в зал, Глен подошел к стойке бара. Официантка с золотистыми кудрями, напоминающая куклу Барби, налила ему в рюмку коньяк.

– Сто лет тебя не видела здесь, – сказала она.

– Привет, Анжела, – сухо ответил он.

– Как твои дела? Говорят, ты стал знаменитостью. Это правда?

– Правда, если говорят.

На сцене танец стриптизерш перешел к части раздевания: девушки снимали платья и продолжали партию у серебристого шеста.

Глен угрюмо смотрел на сцену. Рука его начала теревить связку ключей в кармане.

– Хулио недавно вышел, – сказала Анжела, наклонившись вперед над стойкой, чтобы не кричать в этом грохоте. – Он просил тебя подождать, он скоро вернется.

Глен кивнул. Снова посмотрел на сцену, куда выходили новые стриптизерши. И вдруг среди них увидел...

Нея в длинном ярко-красном платье с глубоким декольте, на высоких каблуках, вышла на сцену. Она слегка пошатывалась, видимо, была пьяна. Глен мысленно отметил, что с того времени, как они расстались, Нея немного расплнела и подурнела.

Она прошла из конца в конец сцены, безобразно виляя бедрами. Сейчас она начнет раздеваться.

Поморщившись как от боли, Глен сжал в кулаке ключи, сжал так сильно, что зубчики бородки глубоко впились в кожу.

– Она хорошо смотрится на сцене, не правда ли? – раздался веселый голос Хулио у самого уха. Развернувшись к бару, он заказал себе коньяк.

Глен качал опущенной головой:

– Как ты, подлец, посмел?

– Что поделаться? Она мне уже надоела. С другой стороны, девочка здесь заработает хорошие бабки, что в этом плохого? – ответил Хулио, улыбнувшись. – Ладно, старик, давай лучше поговорим о нас с тобой. Рад, что ты наконец объявился. Сколько мы не виделись, а? Года два или больше? Ты мне не звонил и не отвечал на мои звонки. Разве настоящие друзья так

поступают? Ты разорвал нашу дружбу из-за того, что опять взялся за кисть. Опять калечишь свою жизнь. Представляю, что творится с твоими банковскими счетами! Ты неисправимый русский идиот! – Хулио полушутя ткнул Глена пальцем в голову.

\* \* \*

Мигающие огни слабо освещали парковочную площадку возле здания стриптиз-клуба.

Хулио стоял, прислонившись к бамперу своего белого «Ягуара». Курил сигару, выпуская дым в ночное небо.

А Глен сидел на асфальте, прислонившись спиной к колесу машины. Говорил тихо:

– Ты всегда мне завидовал. Потому что ты – не художник. Ты делал все возможное ради того, чтобы я не писал. И, надо сказать, тебе это удавалось. Ты и Нелю увел для того, чтобы досадить мне. А теперь ты хочешь сделать ее проституткой. Но я вытащу ее из этой грязи, чего бы мне это не стоило. Вот увидишь.

– Я не уверен, что у тебя это получится, – отшвырнув сигару, Хулио присел на корточки так близко, что его колени почти касались груди Глена: – Кто художник, а кто нет, это не важно. Я всегда любил тебя. Я и сейчас люблю тебя и переживаю за тебя. Посмотри только, на кого ты стал похож. На тебя жалко смотреть. Пойди к врачу, пусть выпишет тебе таблетки. И чего ты добился за это время, а? Только того, что несколько твоих картин вывесили в холлах дешевых отелей! Опомнись! Поезжай на острова, отдохни. Я одолжу тебе денег. Хочешь, дам тебе ключи от моей виллы в Севилье?

– Нет, не надо. Мне от тебя больше ничего не нужно.

После долгого молчания Глен промолвил:

– Ты когда-то просил, чтобы я пригласил тебя на выставку в музей «Модерн Арт», когда там будут экспонировать мои картины, помнишь?

– Помню, – ответил Хулио настороженно.

Глен достал из кармана и протянул Хулио небольшой флаер.

– Что это? – спросил Хулио, и губы его задрожали.

– В следующем месяце в «Модерн Арт» будет проходить экспозиция: «Современные художники Нью-Йорка». Там будет выставлено пять! – Глен поднял руку с растопыренными пальцами и поднес ее к перекошенному лицу Хулио: – Пять моих картин!

На выстрел из стриптиз-клуба выбежал народ. Поначалу было трудно понять, что сейчас произошло на этой парковочной площадке.

Взвизгнув шинами по покрытию, куда-то в ночь умчался белый «Ягуар».

А на асфальте сидел Глен, прижимая ладони к груди, и по его пальцам стекала кровь.